

*А. Р. Заляева, М. Н. Цветаева**

АНСАМБЛЬ ПЕРВОЙ ГОРОДСКОЙ МЕЧЕТИ ОРЕНБУРГА: АКТУАЛИЗАЦИЯ ДУХОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Представленный в данной статье проект актуализации духовно-исторического наследия ансамбля Первой городской мечети Оренбурга объединяет подходы и методологические разработки искусствоведческой интерпретации произведений искусства, урбанистики, экомусеологии и *trauma studies*.

Ключевые слова: Музей Первой городской мечети Оренбурга, актуализация наследия, музеефикация, межкультурный диалог, «новая символизация», «факт городской среды», экомuseum, культурная травма.

A. R. Zaliaeva, M. N. Tsvetaeva

ENSEMBLE OF THE FIRST CITY MOSQUE:

ACTUALIZATION OF THE RELIGIOUS AND HISTORICAL HERITAGE

The paper presents the project of the actualization of the religious and historical heritage of the First city mosque of Orenburg that integrates methodologies of interpretation of work of art, urban studies, ecomuseology and trauma studies.

Keywords: Museum of the First city mosque of Orenburg, actualization of heritage, museification, intercultural dialogue, “new symbolization”, urban artifacts, *ecomuseum*, cultural trauma.

Пророк Мухаммад (ﷺ) сказал:
«(Вся) земля была сделана для меня местом совершения молитв и средством очищения, и поэтому, где бы ни застало человека, принадлежащего к моей общине, (время) молитвы, он (может) молиться (на этом месте)»

(Бухари. Сахих. 335)

* Заляева Алина Рафаэлевна, студентка кафедры музейного дела и охраны памятников, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета; alina19972402@mail.ru, Цветаева Марина Николаевна, доктор культурологи, профессор кафедры музейного дела и охраны памятников, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета; mtsvena@rambler.ru

Возвращение религиозным сообществам в постсоветский период их богослужебных зданий стало одной из главных составляющих возрождения религиозной жизни в России. Полноценное возвращение религии в культурное поле поставило религиозные организации перед сложными вызовами и проблемами, порожденными изменением культурного контекста. Православие и ислам, оторванные от общемировых процессов развития религиозных учений, во многом остались на культурных позициях XIX в., что выражается и в «отчаянном» эклектизме сакральной архитектуры, и в частых конфронтациях с местными сообществами.

В контексте «возвращения» религии в культурное поле современной России особенно ценной представляется перспектива реализации проекта возрождения ансамбля Первой городской мечети Оренбурга как религиозного и просветительского центра, важной частью которого должен стать Музей Первой городской мечети в бывшем доме имама. В его экспозиции будет отражено бытование ансамбля не только в религиозном контексте, но и в контексте истории советской повседневности, т. е. периода использования зданий ансамбля как коммунального жилья. Музей как способ инкорпорации в местное сообщество возрожденного религиозного центра представляется стратегией, наиболее органичной современным культурным тенденциям. Целью музея станет актуализация духовно-исторического наследия Первой городской мечети. Под актуализацией наследия, согласно словарю музейных терминов, понимается «деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации» [1]. В настоящей статье будут представлены различные аспекты данной тематики.

Обратимся к истории создания и развития комплекса Первой городской мечети и их возможным интерпретациям в музейном контексте. Начало формированию ансамбля мечети положил Указ Александра I от 2 мая 1802 г., позволявший постройку мечети за казенный счет «без всякого лишнего великолепия и единственно так только чтоб с приличием могло производиться богослужение веры народом тамошним исповедуемой» [5]. Архитектурное решение построенной в 1803–1805 гг. Первой городской мечети неизвестно. Присланный из Петербурга первоначальный проект мечети не сохранился; предположительно, фиксационным чертежом Первой городской мечети является хранящийся в РГИА чертеж «План, фасад и профиль вновь назначаемой мечети в городе Оренбурге» [10] от 1820 г., на котором представлено равноуровневое одноэтажное двусветное здание мечети, перекрытое плоским куполом, с полукруглым михрабом и трехъярусным минаретом с фигурным шпилем. Декор мечети построен на использовании простых геометрических фигур — полукруглое окно, прямоугольные амбразуры окон, треугольные сандрики, круглые филенки, что характерно для архитектуры позднего классицизма. Властный дискурс, постулирующий санкцию государства как отправную точку возникновения мечети, нашел отражение в выборе стиля позднего классицизма, использовавшегося в гражданской и христианской архитектуре. Унификация облика культовых сооружений, примером которой является предполагаемый

фиксационный чертеж мечети, выявляла в невербальном тексте культовой архитектуры концепт «лояльности власти».

После пожара 1876 г. мечеть была перестроена на средства А. М.-Г. Хусаинова по проекту петербургского архитектора К. И. Реймерса. Проект был реализован не полностью: не были устроены луковичный купол большого диаметра, аттик, декоративные восьмигранные и прямоугольные филенки, килевидные с ушками и килевидно-трехлопастные наличники — элементы, вносившие в облик мечети эклектичную пестроту, вероятно, были отвергнуты заказчиком. Эклектичное архитектурное решение исключением элементов, отсылавших к различным мусульманским архитектурным традициям, было сведено к строгости историзма. В реализованном варианте 1879 г., насколько об этом позволяет судить единственная выявленная фотография мечети конца XIX — начала XX вв. [2, с. 114], господствовала простая геометрия прямоугольных наличников, плоских поясов и лопаток. Цилиндрический минарет турецкого типа (был разрушен в 1930 г.), расчлененный декоративным профилированным поясом и балконом и завершающийся коническим куполом, был увенчан четырьмя сферами, что характерно для арабской и мавританской архитектуры, и полумесяцем. Преобладание турецких аллюзий в архитектуре мечети связано, вероятно, с торговыми и культурными контактами и отражает конструирование мусульманами Российской империи своей культурной идентичности на основе традиций наиболее территориально близкого независимого мусульманского государства. Концепт «лояльности власти» в архитектуре Первой городской мечети, таким образом, уступает место концепту «культурной автономии».

Отдельным аспектом в интерпретации архитектуры Первой городской мечети является межкультурный диалог ислама и христианства на уровне заимствования архитектурных форм. Если принять атрибуцию чертежа из РГИА, то и первоначальный облик мечети, и проектные решения Реймерса представляли собой модификацию типа христианского храма-«корабля». Мощный минарет, вырастающий из одноэтажного объема, стыкуется с двухэтажным объемом самой мечети (по проекту К. И. Реймерса), представляющей в плане два разновеликих квадрата, условно соответствующих трапезной и храму в христианской архитектуре, в свою очередь соединенных промежуточным объемом меньшей ширины. Пространственная пульсация архитектурных форм завершается трехгранным выступом михраба (многогранные выступы и эркеры — характерный прием К. И. Реймерса), отсылающим к христианской апсиде.

Актуализация комплекса Первой городской мечети должна включать в себя не только архитектурный анализ, но и рассмотрение градостроительной ценности объектов. Мечеть расположена на территории бывшей Оренбургской крепости во внутриквартальном пространстве, ограниченном Мечетным и Татарским переулками, по оси киблы (направления к Мекке) — диагонально относительно «красных линий». Оренбург, как и многие города-крепости XVIII в., был построен по принципам петербургской градостроительной школы, предполагающей примат красных линий в организации городского пространства, поэтому «супрематический» объем мечети был привязан к прямоугольной сетке

улиц каменной оградой, а впоследствии (дата постройки не установлена) и одноэтажным зданием тахаратханы. Развитие комплекса, начатое государственным указом, продолжилось за счет вакуфов, т. е. инициативой и пожертвованиями прихожан мечети. Собственно «проектный», «государственный» этап развития ансамбля Первой городской мечети был завершен в начале XIX в.; со второй половины XIX в. начинается «стихийный», «вакуфный» этап формирования ансамбля. На трех пожертвованных земельных участках (учредители вакуфа: Тлеумбай Маркабаев, Фахритдин Мукминжанов, Чемир Акимбеков), расположенных напротив мечети по Мечетному переулку, были выстроены мектебе, дом имама и медресе «Валия» [2, с. 127]. Архитектурно данные объекты мало согласованы с мечетью и по критериям градостроительной системы не могут быть признаны пространственным развитием ансамбля, однако исторически и функционально составляют комплекс, который может быть определен понятием «факт городской среды», предложенным архитектором и теоретиком архитектуры Альдо Росси [8, с. 35].

Именно понимание комплекса Первой городской мечети как факта городской среды открывает для актуализации архитектурного наследия новые перспективы и возможности. Факт городской среды, согласно Альдо Росси, это произведение искусства, продукт культуры и коллективного бессознательного, сочетающий в себе, как и язык, принцип и отклонение от него, закономерность и случайность. А. Росси пишет об основополагающей сложности факта городской среды, который характеризуется устойчивостью пространственных решений, претерпевающих неоднократные функциональные и семантические изменения. Забвение, переосмысление и возрождение старых и создание новых интерпретаций городской среды является условием его физического существования и бытования в культурной жизни города.

Музеефикация ансамбля Первой городской мечети как целенаправленная интерпретация «факта городской среды» предполагает аккумуляцию существовавших, стихийно возникших смыслов, их анализ и репрезентацию в музейном пространстве. Музей как научно-просветительское учреждение, согласно Кодексу музейной этики ИКОМ [3], должен представлять научно-обоснованную интерпретацию музейного предмета и музейного объекта. В связи с этим одной из ключевых задач музея Первой городской мечети может быть названо выявление и анализ неверных представлений об исламе, которые возникли в культуре вследствие восприятия ислама сквозь призму христианства. Несмотря на то что в основе лежит несомненное историческое родство двух мировых религий, не учитывается специфика учения и мировоззрения ислама, что приводит, с одной стороны, к редукционизму, с другой — к неправомерному мифотворчеству.

В качестве примера предлагаем рассмотреть одно из решений этой задачи относительно выстраивания «музейного нарратива» Первой городской мечети. Музейный нарратив архитектурного объекта может представлять его с точки зрения архитектурного стиля, строительных технологий, бытования в культуре, истории пользователей здания, в случае религиозного здания — с точки зрения канона, установления соответствия между духовно-религиозными текстами и архитектурными формами. Последний подход к архитектуре мечети, как по-

казал в последней статье Е. И. Кононенко, неправилен и является примером упомянутого восприятия ислама сквозь призму христианства.

Исследователи механически переносят на реалии мусульманской культуры более привычные «храмовые» представления: собственно вероучение ислама оказалось безразлично и к отражению в культовой архитектуре «сакрального» и «символического», и к архитектуре в целом [4, с. 117].

Отсутствие архитектурного канона для мечети сыграло важную роль в культурном обмене и восприятии мусульманами архитектурных традиций разных местностей и конфессий. Это справедливо и для Первой городской мечети Оренбурга: мечеть может быть похожа на христианский храм и на храм любой другой религии — ключевым в ней остается направление на Мекку, выраженное архитектурными средствами.

Сходство архитектуры мечети с христианской храмовой объемно-пространственной композицией в музейном контексте может быть трактовано как метафора многовекового мирного сосуществования и культурного диалога мусульманских общин и христианского государства. Аналогично в музейном нарративе Первой городской мечети интерпретируется ее градостроительное положение: ориентированное по кибле здание мечети остается внутри сетки «красных линий», в рамках градостроительной системы так же, как мусульманское население веками существовало в составе российского государства. Подобная интерпретация, прочитывающая невербализированные качества «факта городской среды», актуализирует мечеть в современном культурном поле и позволяет «показать» культурный диалог одновременно символически и осязаемо.

«Факт городской среды», как было отмечено выше, по своей природе открыт для новых интерпретаций: исторические здания, их расположение и соотношение между собой могут стать объектами и примерами «новой символизации». «Новая символизация» исторических зданий предполагает новые метафорические трактовки их архитектурных форм и пространственных отношений, которые не были и не могли быть заложены в первоначальном проекте и возникают только в контексте музея или коммеморативных практик. Определение «новая» подчеркивает тот факт, что интерпретация пространственных отношений производится относительно современного музейного контекста, а не культурного контекста периода создания архитектурных объектов. Так, стихийно сложившаяся в XIX в. композиция ансамбля Первой городской мечети может быть подвергнута «новой символизации» в музейной экспозиции.

Анализ исторического развития ислама показывает, что образование всегда играло ключевую роль в жизни мусульманина и общины. Антиконичность ислама и центральная роль Корана требовала от мусульман грамотности, распространения образования и книжности; свершение молитвы требовало определения киблы, что обусловило развитие точных наук. То, что стихийное развитие комплекса Первой городской мечети создало пространственное пересечение «вектора ислама» [4, с. 120] с выстроенными по одной оси красной линии медресе и мектебе, может быть интерпретировано в музее как символ синтеза веры и знания. Пересечение данных символических осей может также

выступить в роли организующего принципа построения экспозиции, определяя расположение основных комплексов экспонатов в залах музея.

Музеефикация дома имама «под музеем», посвященный Первой городской мечети и комплексу связанных зданий, в т. ч. самому дому имама, как было показано выше, представляет собой не только рассказ об истории объектов, но и механизм формирования осознанного и многогранного восприятия городской среды. Музей помогает увидеть за скромной и строгой архитектурой мечети принципы ее построения и культурные связи с христианством; за пространственным решением улицы и «супрематической» постановкой мечети — традицию петербургской градостроительной школы. Музей становится инструментом познания и репрезентации не только времени, но и пространства и, таким образом, включается в решение проблемы взаимоотношения человека и среды, т. е. оказывается в сфере экологической проблематики. С этой точки зрения можно признать целесообразным обращение к модели экомuzeя.

Экомuzeй — это музей, посвященный местному сообществу и территории его проживания, в создании и функционировании которого активное участие принимают местные жители; это центр культурной жизни, формирующийся вокруг некоего выставочного пространства, в котором устраиваются экспозиции, посвященные местной истории, культурным и религиозным традициям и проблемам. Экспонаты для выставок зачастую предоставляются самими жителями. Как писал один из идеологов создания экомuzeев Ю. де Варин, «экомuzeй — форма участия общественности в планировании развития и в самом развитии общины» [6, с. 264]. Специалистами неоднократно подчеркивался широкий формат экомuzeя, упор в котором может быть сделан как на экологические проблемы, так и на национальную идентичность, например, при сохранении традиционных ремесел. Один из идеологов экомuzeологии Ж.-А. Ривьер сравнивал экомuzeй с зеркалом как инструментом самопознания местного сообщества и с окном, через которое о сообществе узнают другие. Религия, организующая местное сообщество в общину — махалля, также может играть определяющую роль в создании экомuzeя, чьими ключевыми темами становятся организующая роль религии в жизни людей, межконфессиональный культурный диалог и восприятие городской среды.

В пользу создания музея Первой городской мечети по модели экомuzeя говорит следующее:

- богослужebное здание, его локация была определяющим фактором для объединения местных жителей в мусульманскую общину; махалля является «социальной проекцией» мечети;

- отсутствие в исламском миропонимании деления жизни мусульманина на религиозное («церковное») и светское делает труд и быт членов мусульманской общины неотъемлемой частью истории Первой городской мечети;

- мечеть является центром духовной жизни мусульманской общины — махалля, прихожане которой заинтересованы в конструировании местной идентичности, в определении исторических корней, преемственности с до-революционной махалля;

- в семьях многих прихожан мечети хранятся старинные книги, религиозные атрибуты и т. п., а также фотографии; рассказ о истории Первой городской

мечети не только через общие сведения и типологические предметы, но через личные истории мусульманских семей. Все это соответствует главному принципу экомuzeя — активному участию местного сообщества;

– махалля исторически сосуществовала внутри городского сообщества с иными конфессиями: отражение в музейной экспозиции исторических примеров культурно-религиозного диалога послужит налаживанию взаимопонимания между горожанами, породит интерес и уважение к мусульманской культуре.

Необходимо упомянуть еще один аспект актуализации духовно-исторического наследия Первой городской мечети. Одной из ключевых установок музейного нарратива должна стать работа с культурной травмой — памятью об антирелигиозных кампаниях советского государства, для Первой городской мечети выразившихся в репрессиях против духовных лиц, разрушении минарета и приспособлении религиозного объекта под жилые функции. Культурная травма, согласно теории З. Фрейда [9, с. 397], состоит не столько в самом событии, нанесшем значительный ущерб коллективной идентичности, сколько в отсутствии соответствующего событию «аффекта», культурной рефлексии. В постсоветский период в деятельности религиозных организаций, что особенно актуально для Русской Православной Церкви, господствующей тенденцией стал трудный диалог с прошлым, его неоднозначное прочтение — либо бездумное восхваление, либо замалчивание советского периода, попытка вытеснить его из истории и культурной памяти. Поставленная перед музеем Первой городской мечети задача отразить сохранение вероисповедания в мусульманских семьях и советский период бытования мечети как коммунального жилья представляет собой пример работы с культурной травмой. Культурная травма требует рефлексии, вдумчивого и объективного осознания, символической проработки. Символическое значение получают повреждения и утраты ансамбля. Понимание драматизма исторических событий, их многостороннее представление способствует примирению общества со сложными и неоднозначными периодами своей истории, мирному пути развития культуры и социальной коммуникации.

Известный британский социолог и урбанист Б. Хиллиер писал, что наиболее сложно осознать и показать то, как соотносятся различные социальные системы, их изменение (течение истории) с конкретными пространствами [7]. Приведенный пример концептуальных положений частичной музеефикации ансамбля Первой городской мечети показывает способы актуализации и интерпретация музейных объектов, решающие данную задачу.

ГЛОССАРИЙ

Вакуф — в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. Посвящающий свое имущество в вакуф называется учредителем вакуфа.

Кибла — точно установленное из любой точки земного шара направление в сторону Каабы в г. Мекке в Аравии, соблюдаемое всеми мусульманами во время совершения пятикратных ежедневных молитв.

Коммеморация — сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого.

Махалля — название части города с преимущественно мусульманским населением, обычно размером с квартал, жители которого в осуществляют местное самоуправление. На территории махалля, как правило, находится мечеть — своеобразный общественный, культурный и духовный центр.

Медресе — мусульманское учебное заведение, выполняющее функцию средней общеобразовательной школы и мусульманской духовной семинарии.

Мектебе — мусульманская (как правило) начальная школа в странах Востока и Российской империи.

Минарет — в исламской архитектуре башня (круглая, квадратная или многогранная в сечении), с которой муэдзин призывает верующих на молитву.

Михраб — ниша в стене мечети, которая указывает направление на Мекку.

Тахаратхана — комната или отдельное здание для совершения тахарат, ритуального очищения перед молитвой, включающего в себя омовение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуализация наследия // Словарь музейных терминов. — URL: <http://www.museum.ru/RME/dictionary.asp?41> (дата обращения: 15.02.2019).
2. Денисов Д. Н. Очерки по истории мусульманских общин Оренбургского края (XVIII — начало XX в.). — М.; Н. Новгород: Медина », 2012.
3. Кодекс музейной этики ИКОМ. — URL: https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/07/code_russia2013-1.pdf (дата обращения: 15.02.2019).
4. Кононенко Е. И. Архитектура мечети как объект интерпретации // Вестник СПбГУ. Сер. Искусствоведение. — 2018. — Т. 8, вып. 1. — С. 113–130.
5. О строительстве мечети в г. Оренбурге // ГАОО. — Ф. 6. — Оп. 2. — Ед. хр. 763/31.
6. Куклинова И. А. Экомuseum музей времени и пространства: западноевропейский образец и Восточная модель // ТРУДЫ СПБГИК. — 2010. — С. 263–269.
. Рецензия: Анри Лефевр «Производство пространства». — URL: <https://strelka.com/ru/magazine/2015/04/10/review-henri-lefebvre-the-production-of-space> (дата обращения 15.02.2019).
8. Росси А. Архитектура города. — М.: Strelka Press, 2015.
9. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышления о репрезентации травмы // Травма: Пункты: Сборник статей / Ред. и сост. Сергей Ушакин и Елена Трубина. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — С. 389–407.
10. Старая и новая мечети в г. Оренбурге. Планы, фасады, разрезы // РГИА. — Ф. 1488. — Оп. 3. — Ед. хр. 13.